

Влияние православного монашества на формирование универсалий русской культуры

Дарья Сергеевна Жданова – магистрант кафедры социологии и конфликтологии. Алтайский государственный университет. Барнаул, Россия.

E-mail: zhdanova.darya.02@list.ru

Аннотация. В статье представлен анализ православного монашества как уникального социокультурного и исторического феномена, внесшего существенный вклад в формирование ценностного кода русской цивилизации. Акцентируется внимание на историческом контексте развития монастырской культуры в российском государстве. Важным остается междисциплинарный подход, сочетающий историко-церковное, культурологическое и социокультурное осмысление традиций православного монашества. Основными универсалиями русской культуры, сформированными под влиянием монашества и затронутыми в исследовании, являются соборность, аскетизм, служение, эсхатологическое мировоззрение, сакрализация географического пространства. Уделяется особое внимание и реальным примерам воплощения данных констант в различных областях русской культуры – литературе, изобразительном искусстве, иконописи и др. На основе проанализированного материала делается вывод о создании через институты монастырей, практики аскезы, образовательную традицию и художественное творчество системы смыслов, детерминировавшей специфику русской культурно-цивилизационной идентичности.

Ключевые слова: религия, монашество, русская культура, православие, соборность, аскетизм, монастырь, универсалии культуры, цивилизационная идентичность.

Введение

ВНАСТОЯЩЕ время в нашей стране наблюдается процесс фундаментальной переоценки духовно-нравственных ценностей, направленный на укрепление сущностных основ российской культуры в современных условиях. Глобальные вызовы, стоящие перед Россией в XXI веке, только обостряют вопрос о сохранении и укреплении национальной идентичности и культурной самобытности государства. Русская культура в этих условиях становится не просто историческим феноменом, а особой консолидирующей силой, «общим началом», способным уберечь страну от внешних угроз и внутреннего раскола. При этом важно осознавать, что отечественная культура с ее богатым материальным и духовным наследием, многовековыми традициями и устойчивым народным самосознанием сформировалась под влиянием множества факторов, включая религию, а точнее православие. Наряду с особенностями географического положения, климата, социальной иерархии и государственных отношений, именно уникальный православный путь во многом определил характерные черты «русского духа» и его культурную парадигму. Монашество же, как идеальное воплощение православных традиций и культуры, стало краеугольным камнем христианства, отражающим исторические, социальные, политические и культурные изменения в жизни страны (Медведева 2015: 45). Процесс усиления роли религии в современном обществе и так называемое «религиозное возрождение» («религиозный ренессанс») всё больше актуализируют необходимость обращения именно к монашеству как институту, оказавшему значительное воздействие на формирование ключевых универсалий национальной культурной матрицы. Еще религиозный мыслитель В.В. Розанов подчеркивал: «Тени монастыря живут в каждой черте русской культуры: в живописи, иконах, музыке, напевах, в законах, ритуалах, нравах, обычаях, политике, во всем...» (Розанов 1995: 49).

Некоторые теоретико-методологические аспекты проблемы

В современных гуманитарных науках сложился ряд ключевых векторов осмысливания монашества как феномена, во многом определившего особенности русской национальной культуры. Так, историко-церковная

парадигма (Е.Е. Голубинский, А.В. Карташев, И.К. Смолич) акцентирует внимание на эмпирических фактах истории Русской Православной церкви, подчеркивая роль иночества в становлении книжной культуры, летописания, иконописи, хозяйственном освоении новых территорий (особенно северных), участия иноков в политической жизни (Гайденко 2018: 214). В философско-религиоведческих работах С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, Г.П. Федотова, Е.Н. Трубецкого монашество определяется как носитель исключительных духовных идеалов, сформировавших этический кодекс русской культуры, а также образ «Святой Руси» (как метафизическую доминанту национального самосознания) и концепцию «Москва – третий Рим» (как универсалию политической теологии). И.А. Ильин отмечал, что свое практическое воплощение этические принципы православной духовной традиции нашли именно в нищелюбивых монастырях и богадельнях, наполненных духом милосердия, братства и солидарности (Ильин 2007: 134). Культурологический анализ (исследования В.В. Колесова, А.С. Панафрина и других), в свою очередь, может помочь в выявлении механизмов трансляции монашеских ценностей в народную культуру, например через обрядовые действия, народное творчество или архитектуру.

Отдельного внимания заслуживает социокультурный подход к осмыслению монашества в историческом ключе и реалиях современного общества. А.В. Моргачева обращает внимание на то, что оно представляет собой особую религиозную группу, всецело посвятившую жизнь Богу, характеризующуюся уходом от мира (в духовном смысле данного феномена), принятием обетов, подтверждающих решимость вступления на избранный путь, аскетическим образом жизни и мистической настроенностью (Моргачева 2011: 15). По мнению И.В. Астэр, современный монастырский институт демонстрирует полифункциональность, сочетая традиционную религиозную миссию с инновационными формами социальной, культурной и экономической активности. Иными словами, в нынешних условиях монашество как социальный институт выполняет ряд важнейших функций: мировоззренческую, экологическую, интегративную, духовно-нравственную, коммуникативную, информационно-просветительскую, экономическую, функцию социального патронажа, художественно-эстетическую и компенсаторную (Астэр 2012: 59). При этом оно остается хранителем незыблемых духовных ценностей, расширяя институциональный спектр своей деятельности, синтезируя монашескую практику с работой культурно-просветительских и образова-

тельных учреждений, реабилитационных центров для лиц, страдающих различными зависимостями, медиаструктур и производственных мастерских. Согласно наблюдениям Н.А. Митрохина, особую значимость приобретает сетевое взаимодействие монастырей с социумом, реализуемое через институт «старцев» и «духовников», выступающих акторами неформальной коммуникации, а также формирование экстерриториальных сообществ верующих, объединенных общностью духовных практик и ценностных ориентаций (Митрохин 2004: 93).

При всем многообразии подходов к изучению русского монашества исследователи зачастую сталкиваются с рядом проблем, связанных, в том числе с описательным характером некоторых трудов, не затрагивающих всю многоаспектность и динамичность этого феномена. Возникают сложности и с междисциплинарным изучением различных аспектов монашества, выражаяющиеся в отсутствии системных исследований, объединяющих, к примеру, литературный анализ, искусствоведческие материалы и социологические методы.

Обращаясь непосредственно к предмету данной статьи, становится очевидно, что нет до конца установленного консенсуса и в определении самих универсалий культуры. Понятие «культурные универсалии» было введено в философский дискурс благодаря работам представителей культурной антропологии Дж. Мердока, К. Уислера, Дж. Пассмора. В рамках их концептуализации к культурным универсалиям стоит относить те социокультурные явления всемирно-исторического характера, которые обнаруживаются во всех культурах и во все времена, независимо от географического положения, социального или политического устройства общества (Пассмор 1998: 154). В отечественной же науке особого внимания заслуживает теоретическая концепция В.С. Степина, позволившая существенно расширить семантическое наполнение категории «культурные универсалии». В отличие от антропологического подхода, понимающего универсалии как набор общих для всех культур признаков, В.С. Степин постулирует, что универсалии разных культур отличаются друг от друга, составляя особенный «генетический код» культуры (Степин 2011: 64). Всё это, с одной стороны, указывает на отсутствие четкой и утвержденной трактовки культурных универсалий, а с другой, позволяет нам рассмотреть монашество как основополагающий фактор формирования самобытности русской культуры.

Святость и стойкость: история русского монашества сквозь призму веков

Важно помнить, что Православная Русь унаследовала непосредственно от Византийской империи представления о монашестве как ангельском образе и о святости как полном осуществлении монашеского призвания. «Великое ангельское подобие», «великий ангельский образ» – так говорит о монашестве московский митрополит Фотий в грамоте 1418 года (см. Живов 1994: 92). Зарождение монашеских практик на древнерусских землях неразрывно связано с крещением Руси и последующей христианизацией общества, когда монастыри стали выступать не только центрами религиозного подвижничества, но и трансляторами культуры, просвещения, книжности и хозяйственного освоения территорий. На первом этапе развития монастырской культуры (XI-XIII вв.) очагом монашеской жизни стала Киево-Печерская лавра, основанная приблизительно в 1051 г. во многом благодаря деятельности Антония Печерского, привнесшего на Русь афонскую традицию пустынножительства, и его ученика Феодосия Печерского, систематизировавшего монастырский устав и оставившего после себя поучения и послания, заложившие основы русской монашеской письменности.

В эпоху ордынского господства, характеризующуюся политической раздробленностью и серьезными экстернальными угрозами, стоящими перед государством, монастыри стали основными символами культурно-цивилизационной идентичности и духовной консолидации разрозненных русских земель. Особую роль в этом процессе сыграл преподобный Сергий Радонежский, основатель Троице-Сергиевой Лавры, чья деятельность вышла далеко за рамки исключительно монашеского служения. Его учение о «внутреннем делании» и общежительном уставе задало основы русского исихазма, соединившего византийскую мистическую традицию с национальными особенностями духовного опыта (Терентьев, Семиков 2021: 317). Символическое отражение образа Сергия Радонежского проявляется в различных областях культуры. В иконографии, к примеру, сформировался устойчивый тип «игумена земли Русской», зафиксировавший образ монаха как духовного стража государства. В литературе создано множество текстов (жития, сказания, поучения), конструирующих образ преподобного старца как посредника между небесной и земной реальностями, а особенно показательно в этом отношении «Житие

Сергия Радонежского», составленное Епифанием Премудрым, в котором акцентируется внимание на его миротворческой миссии.

XVI век ознаменовался нормативным оформлением монашеской жизни, что нашло отражение в решениях Стоглавого собора 1551 г., регламентировавшего дисциплину, имущественные отношения и образовательную деятельность монастырей. В это время обостряется полемика между сторонниками монастырского землевладения и приверженцами аскетического нестяжательства, воплощенная в противостоянии идей Иосифа Волоцкого, отстаивающего право обителей на владение землей (концепция иосифлянства), и преподобного Нила Сорского, идеолога скитского образа жизни и внутреннего созерцания (концепция нестяжательства). Идейная доктрина нестяжателей, регламентирующая принципы организации монашеского бытия, подчеркивала абсолютный приоритет духовной жизни и личного аскетического совершенствования как сущностных компонентов иноческого служения, при этом критикуя пышный культ и обрядоверие, категорически отрицая монастырское землевладение и паразитическое использование чужого труда (Иванов, Фотиева 2023: 23). В своих убеждениях заволжские старцы, главные идеиные последователи нестяжательства, придерживались аскетико-нравственных идеалов, восходящих к преподобному Сергию Радонежскому, настаивавшему на обязательности труда монахов и принятия лишь добровольных подаяний.

В XVII столетии монастыри оказались в эпицентре церковных реформ патриарха Никона, когда оппозиция нововведениям сконцентрировалась вокруг Соловецкого монастыря, где в 1668-1676 гг. произошло восстание, ставшее знаком сопротивления изменениям в литургической практике. Примечательно, что именно Соловецкий монастырь по сей день остается символом уникальной русской духовной традиции, воплощая в себе природную чистоту, первозданность и рукотворный ландшафт. Кроме того, обитель является не только православной святыней, но и хранит в своих стенах память о горьких страницах истории, связанных с политическими репрессиями XX века, когда на территории монастыря располагался Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН). По мнению В.П. Столярова,

первый концлагерь советского режима появился именно в Соловках не случайно – таков был символический выбор новой власти. Соловецкая обитель – «старорежимная» национальная святыня, притягивавшая православных со всей

России, – была приговорена к профанации. Спасо-Преображенский монастырь в народном сознании теперь должен был трансформироваться в место страха и ужаса, горний свет храмов был удушен тьмой тюремных камер, любовь и душевное упокоение заместил тайный страх при одном только упоминании слова «Соловки» (Столяров 2003: 98).

Однако все пережитые нелегкие испытания только усилили образ Соловецкого монастыря в массовом сознании россиян как особого символа русской культуры, где переплетаются религиозная традиция, историческая память, архитектурное наследие, незыблемость и стойкость духа.

Можно констатировать, что именно XX век, последовавший за имперским этапом развития иночества, стал периодом системного кризиса и тяжелейших испытаний для всего черного духовенства. Уже в первый год существования советского государства монашество, как и вся религия в целом, было поставлено вне рамок закона и просуществовало в таком положении вплоть до 1945 г., пока правительство Советского Союза не приняло первые нормативно-правовые акты, частично легализовавшие существование института монашества, но мало облегчившие его реальное положение. Вследствие данного правового и социокультурного вакуума любые формы воспроизведения монашеской аскетической традиции в довоенный период и в последующие годы автоматически приобретали статус нелегальных. В дискурсе властных структур такие практики обозначались как «тайные» или «подпольные». Внутри же монашеской среды преобладали совсем другие настроения, вместо маркеров «подпольности» использовалось понятие «монашество без стен и одежды», акцентирующее внимание не на пространственно-институциональной привязке (монастырские стены) и не внешних атрибуатах (монашеское облачение), а на сущностных характеристиках аскетического подвига — внутренней дисциплине, молитвенной практике и соблюдении обетов (Беглов 2022: 126-127). Лишь с 1988 г. в российском социорелигиозном пространстве инициируется процесс ревитализации монастырской жизни, сопряженный с поэтапной реставрацией ключевых духовных центров – Троице-Сергиевой лавры, Дивеевского монастыря, Валаамского монастыря и ряда иных обителей. Обращение к историческому контексту позволяет заметить, что в русском монашестве гармонично синтезируются консервативная устойчивость (в отношении догматических и аскетических принципов) и оперативная адаптивность (в

способах институциональной реализации), что всегда обеспечивало его жизнеспособность в условиях постоянных потрясений и трансформаций.

Монашеская традиция как источник универсалий русской культуры

Переходя непосредственно к вопросу об универсалиях русской культуры, сформировавшихся под влиянием монашеской традиции, отметим, что из всего возможного многообразия уникальных черт мы рассмотрим лишь некоторые базовые константы, наиболее интересные в рамках предмета исследования, – это соборность, аскетизм, служение, эсхатологическое мировоззрение, сакрализация географического пространства.

Так, *соборность* – одна из ключевых ценностей русской культуры – трактуется религиозным философом А.С. Хомяковым как добровольное объединение членов Церкви, позволяющее им сообща постигать истину и искать путь к спасению. Основой такого единства выступает единодушная любовь к Христу и стремление к божественной праведности (см. Гриценов 2003: 1101). Идея соборности по своей сути является специфической моделью коллективного бытия, базирующейся на консолидации субъектов на общих мировоззренческих основаниях: религиозной доктринах, аксиологических установках, нравственных ориентирах. В культуре иночества прототипом такой модели выступают монастырские уставы, регламентирующие жизнедеятельность братии, институционализирующие жесткую дисциплину внутреннего общежительства, коллективное литургическое действие как форму духовной консолидации, практики взаимной помощи и ответственности.

Другой фундаментальной культурной универсалией, имманентно присущей монашеской практике, является *аскетизм*, который следует интерпретировать не в качестве радикального отрицания материального мира, а как специфический модус его онтологического преображения посредством самоограничения и целенаправленного духовного совершенствования. В этой связи П.А. Флоренский отмечает, что

ослепительная духовная красота аскета плотскому человеку недоступна, ибо красота и сияние подвижника – это «внутренний свет», светящий вовне.

Духовная соборная личность аскета прекрасна дважды. Она прекрасна объективно, как предмет созерцания и субъективно, как сосредоточение нового очищенного созерцания окружающего (Флоренский 1990: 310).

Многогранность реализации аскетического идеала можно проследить в различных областях русской культуры. В литературной традиции аскетизм манифестируется, к примеру, в творчестве Ф.М. Достоевского, в котором аскетические мотивы переосмысяются в контексте психологической глубины, а герои произведений (Алеша Карамазов, князь Мышкин) демонстрируют добровольную готовность к самопожертвованию, отказ от мирских амбиций и стремление к нравственному очищению через страдание. В изобразительном искусстве аскетическая эстетика воплощается посредством иконописной традиции, сочетающей лаконизм форм,держанность колорита и фронтальную статичность фигур, символизирующих отрешенность от мирской суеты и сосредоточенность на трансцендентном, в частности, в иконах Андрея Рублева, где минимализм жестов и композиционная гармония выражают идею духовного просвещения. В народной культуре аскетические практики реализуются в том числе через религиозный пост (Великий, Петров, Успенский, Рождественский), представляющий собой сложный, многомерный феномен культуры, сочетающий теологические императивы, этнокультурные паттерны, социально-регулятивные механизмы и предполагающий не только пищевые ограничения, но и усиленную молитвенную дисциплину, нравственное исправление.

Еще одной важной ценностью, на генезис которой монашество оказалось существенное воздействие, является *служение*. Оно содержит в себе дуалистическую природу морального обязательства личности, с одной стороны – перед трансцендентным Абсолютом (Богом), а с другой – перед социумом. В светской культуре монашеский обет нестяжательства и жизни во благо окружающих выражается в идее служения Отечеству, народу, высшей правде. В эпоху Московского государства данная универсалия материализовалась в феномене «служивого государства», где словная обязанность дворянства и приказных людей концептуализировалась как служение государю и державе, в период же дворянской этики XIX века универсалия обрела форму кодекса чести, где служение Отечеству интерпретировалось через призму воинской доблести и гражданской ответственности. Как отмечают в своем исследовании В.В. Плотников и А.Ю. Тумин, «служение Отечеству является совершенной формой

проявления патриотизма, предполагающей высокий уровень социального самосознания, чувство идентичности и личной ответственности за свои действия, сопричастность к судьбе страны» (Плотников, Тумин 2025: 156). И даже в условиях советской модернизации универсалия служения не была элиминирована, а лишь подверглась идеологической реинтерпретации. Ее секулярные вариации проявились в культе трудового геройства (стахановское движение, ударные бригады), феномене «самопожертвования во имя светлого будущего» (подвиги полярников, освоение целины), а также в становлении волонтерских практик (тимурровское движение, студенческие стройотряды).

Характерной особенностью русской ментальности, сформировавшейся под влиянием православия и монастырской культуры, стало также особое эсхатологическое мировоззрение, обращенное к ожиданию неизбежного финала человеческой истории. В православной картине мира, по замечанию Н.Н. Бединой, смерть представляется не завершением жизненного цикла, а этапом перехода к жизни небесной, проводником между земным существованием и райским бытием. Эсхатология монашества при этом соединяет уход от мира («упражнения в смерти») и его всестороннее преображение (Бедина 2018: 5). Обращение к истории русского иночества показывает, что апокалиптические настроения приобрели наиболее радикальные формы в старообрядческой среде, когда реформы патриарха Никона были восприняты как признаки пришествия антихриста, что привело к созданию закрытых аскетических сообществ, отказу от мирских институтов, строгим уставам и даже коллективным самосожжениям, зафиксированным в документах 1670-1690 гг. (Пулькин 2005: 2).

Эсхатологическим началом обладает и политico-идеологическая концепция «Москва – Третий Рим», заложенная псковским монахом Филофеем и акцентирующая внимание на богоизбранности Русского государства как последнего оплота православия перед концом времен. Чуть позже апокалиптические воззрения нашли свое отражение в русской литературной и философской мысли, обращенной к идее Страшного суда и нравственного преображения (у Ф.М. Достоевского в произведении «Братья Карамазовы»), теократии как преддверии Царства Божьего (у В.С. Соловьева), эсхатологии свободы (у Н.А. Бердяева в «Смысле истории»).

Последней универсалией русской культуры, к анализу которой хотелось бы обратиться в рамках данной работы, является пространство, понимаемое как сакрализируемая географическая среда «Русского мира». Как отмечает Е.А. Попов, «сакрализация ценностей в пространстве наци-

ональной культуры способствует не просто сохранению священных смыслов бытия, передаче их от одного поколения носителей культуры другому, но и, по сути, обеспечивает духовную безопасность народа» (Попов 2023: 204). Монастырские обители, выступавшие ключевыми агентами территориального освоения и семиотической реорганизации природного ландшафта, наделяли сакральными смыслами всю окружающую природу, формируя уникальное мистическое пространство для новых духовных исканий своих вдохновленных наследников. Монастыри традиционно основывались в удаленных, малоосвоенных регионах, в глухих лесах, на неприступных островах или же в горных массивах. Такая пространственная стратегия воплощала богословскую идею «desertum» (пустыни как места духовного подвига) и одновременно запускала хозяйственное освоение новых территорий (Ефремова 2012: 18). Роль монастырей в формировании сакральной пространственно-символической модели российского государства органично подчеркнута в трудах православного писателя и путешественника А.Н. Муравьева, совершившего паломничество по вологодским и белозерским святым местам. Исследователь впервые ввел в оборот термин «Русская Фиваида», обозначающий особый историко-культурный, религиозный и символический концепт, сосредоточенный на северных территориях Русского государства (Вологодские, Белозерские земли, часть Костромской и Астраханской областей), ставших центром интенсивного монастырского освоения. Постепенно «Русская Фиваида» превратилась не просто в историко-географический термин, а воплотила в себе ценностную многомерность, выраженную в монашеской аскезе, строгой киновии, исихазме, святости русских подвижников (Сутягина 2016: 357). Монастырские ансамбли, органично вписанные в природный ландшафт, таким образом, создали модель гармоничного сосуществования человека и природы, где архитектура служит не господству, а молитвенному созерцанию. Сакрализация географического пространства глубоко укоренилась в традициях пейзажной живописи, литературе и народном самосознании. Картины И.И. Шишкина, И.Е. Репина, В.И. Сурикова, поэзия Ф.И. Тютчева, С.А. Есенина, И.А. Бунина, Н.А. Клюева, а также работы других выдающихся деятелей отечественной культуры вобрали в себя и надолго увековечили лучшие воплощения мистических и святых образов русской природы.

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, стоит констатировать, что православное монашество выступило в качестве ключевого социокультурного агента, значительно повлиявшего на формирование фундаментальных универсальных черт русской культуры. Оно задало базовые аксиологические константы, эстетические нормативы и модели поведения, конструирующие культурный код русского социума. Через институты монастырей, практики аскезы, образовательную традицию и художественное творчество монашество создало систему смыслов, детерминировавшую специфику русской культурно-цивилизационной идентичности. Выявленный комплекс универсалий – соборность, аскетизм, служение, эсхатологическое мировоззрение, пространственная сакрализация – и сегодня продолжает оказывать огромное влияние на культуру, обеспечивая глубинную преемственность культурно-исторического опыта. Примечательно, что у современных россиян монастырская культура по-прежнему вызывает неподдельный интерес. Согласно данным социологических исследований, почти половина жителей нашей страны хотя бы раз посещали святые места, еще 75% хотели бы сделать это в будущем (в первый раз или повторно). Отвечая на вопрос о самых известных для россиян святых, наряду с Николаем Чудотворцем (48%) и Матроной Московской (39%) многие наши сограждане указывают на Серафима Саровского (18%) и Сергия Радонежского (11%), монахов, особо прославившихся подвижнической жизнью и стремлением к богоподобию¹. Все эти тенденции свидетельствуют о поддержании православной идентичности в современном турбулентном и многоконфессиональном мире, синтезе религиозного и национального самосознания, об интересе к православной культуре как способу соприкоснуться с историческим и духовным наследием предков.

Список источников

Астэр И.В. Монашество как социо-религиозный феномен // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. 2012. № 1. С. 50-60.

---

¹ См.: ВЦИОМ. Святые: люди и места. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/svyatye-lyudi-i-mesta> (дата обращения: 14.11.2025)

Беглов А.Л. Тайные монашеские общины советского периода. Проблемы типологии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2022. № 108. С. 126-151. DOI: 10.15382/sturII2022108.126-151

Бедина Н.Н. Феномен монастырской культуры в контексте христианской эсхатологии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. № 1-2. С. 4-7.

Гайденко П.И. Место мирского духовенства в числе церковных людей Древней Руси // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 1 (9). С. 213-232. DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10013

Грицанов А.А. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Минск: Книжный Дом, 2003. 1525 с.

Ефремова Ю.А. Восприятие «Пустыни» у ранних цистерцианцев // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 1. С. 15-26.

Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: «Гнозис», 1994. 112 с.

Иванов А.В., Фотиева И.В. Нестяжательство как важнейшая ценность отечественной культуры // Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т. 5. № 2. С. 20-39. DOI 10.21146/2713-1483-2023-5-2-20-39

Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. М.: Русская книга-XXI век, 2007. 462 с.

Медведева К.С. Социальный образ православных монастырей и монашества в современной России // Социологический журнал. 2015. № 3. С. 45-62.

Митрохин Н.А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 648 с.

Моргачева А.В. Русская культура: влияние монашества на формирование ее универсалий. Автореф. дисс. канд. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 24 с.

Пассмор Дж. Сто лет философии. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 496 с.

Плотников В.В., Тумин А.Ю. Феномен служения Отечеству и парадигма постмодерна: проблема реальности патриотизма // Гуманитарный вестник. 2025. № 1 (111). С. 156-167.

Попов Е.А. Сакральное пространство культуры: уровень ценностных трансформаций // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2023. № 15. С. 204-208.

Пулькин М.В. Самосожжения старообрядцев в конце XVII-XVIII в. // Новый исторический вестник. 2005. № 14. С. 1-5.

Розанов В.В. Собрание сочинений. Около церковных стен / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. 560 с.

Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СпбГУП, 2011. 406 с.

Столяров В.П. Судьба Соловецкой святыни // Высшее образование в России. 2003. № 1. С. 91-102.

Сутягина Л.Э. Северная Фиваида. К вопросу о духовном, культурном и историческом значении монастырей Приладожья // Пятые Пюхтицкие чтения. Православная культура и практика воспитания личности: традиции и современный опыт. Курэмяэ: Пюхтицкий Успенский монастырь, 2016. С. 356-370.

Терентьев А.А., Семиков Д.В. Социальный аспект образа преп. Сергия Радонежского в русской национальной памяти // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2021. № 19. С. 305-330.

Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М.: Искусство, 1990. 386 с.

The influence of orthodox Monasticism on the Formation of the universals of Russian Culture

Daria S. Zhdanova – postgraduate student. Altai State University. Barnaul, Russia.

E-mail: zhdanova.darya.02@list.ru

Abstract. This article presents an analysis of Orthodox monasticism as a unique sociocultural and historical phenomenon that made a significant contribution to the formation of the value system of Russian civilization. The focus is on the historical context of the development of monastic culture in the Russian state. An interdisciplinary approach, combining historical, ecclesiastical, cultural, and sociocultural understanding of the traditions of Orthodox monasticism, remains crucial. The key universals of Russian culture, shaped by monasticism and explored in this study, include conciliarity, asceticism, service, an eschatological worldview, and the sacralization of geographic space. Particular attention is given to real-life examples of the embodiment of these constants in various areas of Russian culture – literature, fine arts, icon painting,

and others. Based on the analyzed material, a conclusion is drawn about the creation of a system of meanings through monastic institutions, ascetic practices, educational traditions, and artistic creativity that determined the specific nature of Russian cultural and civilizational identity.

Keywords: religion, monasticism, Russian culture, Orthodoxy, conciliarity, asceticism, monastery, cultural universals, civilizational identity.

References

- Aster, I.V. (2012) Monasticism as a socio-religious phenomenon. *Religion. Church. Society. Research and publications on theology and religion.* No 1. P. 50-60.
- Beglov, A.L. (2022) Secret monastic communities of the Soviet period. Problems of typology. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. Episode 2: The Story. The History of the Russian Orthodox Church.* No 108. P. 126-151. DOI: 10.15382/sturII2022108.126-151
- Bedina, N.N. (2018) The phenomenon of monastic culture in the context of Christian eschatology. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition.* No 1-2. P. 4-7.
- Gaidenko, P.I. (2018) The place of the lay clergy among the ecclesiastical people of Ancient Russia. *Paleorosia. Ancient Russia in time, in personalities, in ideas.* No 1 (9). P. 213-232. DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10013
- Gritsanov, A.A. (2003) *The latest philosophical dictionary.* Minsk, Book House. 1525 p.
- Efremova, Y.A. (2012) Perception of the "Desert" among the early Cistercians. *Bulletin of the Moscow University. Episode 8. History.* No 1. P. 15-26.
- Zhivov, V.M. (1994) *Sanctity. A short dictionary of hagiographic terms.* Moscow, Gnosis Publ. 112 p.
- Ivanov, A.V., Fotieva, I.V. (2023) Non-possessiveness as the most important value of national culture. *Problems of civilizational development.* Vol. 5. No 2. P. 20-39. DOI 10.21146/2713-1483-2023-5-2-20-39
- Ilyin, I.A. (2007) *The essence and originality of Russian culture.* Moscow, Russkaya kniga-XXI vek. 462 p.
- Medvedeva, K.S. (2015) The social image of Orthodox monasteries and monasticism in modern Russia Russian Federation. *Sociological Journal.* No 3. P. 45-62.
- Mitrokhin, N.A. (2004) *The Russian Orthodox Church: the current state and current problems.* Moscow, New Literary Review. 648 p.

- Morgacheva, A.V. (2011) *Russian culture: the influence of monasticism on the formation of its universals. The abstract.* Dissertation of the Candidate of Sciences. Rostov-on-Don. 24 p.
- Passmore, J. (1998) *One hundred years of Philosophy.* Moscow, Progress-Tradition Publ. 496 p.
- Plotnikov, V.V., Tumin, A.Y. (2025) The phenomenon of service to the Fatherland and the postmodern paradigm: the problem of the reality of patriotism. *Humanitarian Bulletin.* No 1 (111). P. 156-167.
- Popov, E.A. (2023) The sacred space of culture: the level of value transformations. *Sociology in the modern world: science, education, creativity.* No 15. P. 204-208.
- Pulkin, M.V. (2005) Self-immolations of the Old Believers at the end of the XVII-XVIII centuries. *New Historical Bulletin.* No 14. P. 1-5.
- Rozanov, V.V. (1995) *Collected works. Near the church walls /* Under the general editorship of A.N. Nikolyukin. Moscow, Republic Publ. 560 p.
- Stepin, V.S. (2011) *Civilization and culture.* St. Petersburg, SPbGUP. 406 p.
- Stolyarov, V.P. (2003) The fate of the Solovetsky shrine. *Higher education in Russia.* No 1. P. 91-102.
- Sutyagina, L.E. (2016) Northern Thebaid. On the question of the spiritual, cultural and historical significance of the monasteries of Ladoga region. In: *Fifth Pyukhtitsky readings. Orthodox culture and the practice of personality education: traditions and modern experience.* P. 356-370.
- Terentyev, A.A., Semikopov, D.V. (2021) The social aspect of the image of St. Peter. St. Sergius of Radonezh in Russian National Memory. *Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary.* No 19. P. 305-330.
- Florensky, P.A. (1990) *The pillar and the affirmation of truth.* Moscow, Iskusstvo Publ. 386 p.

Статья поступила 17.07.2025
Принята к публикации 23.12.2025